

УДК 130.2:303.686 (045)

И. В. Голубович,

к. филос. наук, доцент,

докторант кафедры философии и основ общегуманитарного знания,

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ОБОСНОВАНИЕ “НАУК О ДУХЕ” У В. ДИЛЬТЕЯ И СТАНОВЛЕНИЕ БИОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

В статье рассматривается становление биографической проблематики в современном гуманитарном знании на примере концепции В. Дильтея в контексте обоснования немецким мыслителем сущности и структуры “наук о духе”. Поиск оснований “наук о духе” и формирование биографического подхода представлены в аспекте взаимодополнительности и взаимообусловленности.

Ключевые слова: биографический подход, “науки о духе”, методология гуманитарного знания, взаимодополнительность

В современном гуманитарном знании биографическая проблематика становится одной из центральных. Нередко говорится в этой связи о биографическом и автобиографическом буме. Биографический подход в многообразии своих проявлений приобрел статус междисциплинарного и занял свою нишу в социологии, психологии, литературоведении, культурной антропологии, исторической науке и т. д. Об устойчивом и теоретически обоснованном интересе к биографии открыто заявил, прежде всего, Вильгельм Дильтей (1833-1911). Для него выяснение специфики “наук о духе” оказывается в то же самое время определением проблемной зоны биографической методологии.

Постановка проблемы. Между тем, несмотря на обилие исследовательской литературы, посвященной различным аспектам творчества немецкого мыслителя, взаимодополнительность становления методологии humanities и формирования биографического подхода в гуманитаристике в дильтеевской интерпретации еще не стала предметом серьезного научного осмысления. Настоящая статья является попыткой такого осмысления.

В связи с этим формулируются следующие **цели статьи:**

– обнаружение в трудах В. Дильтея взаимосвязи и взаимообусловленности построения основ “наук о духе” и обоснования биографического подхода;

– анализ тех составляющих содержания “методологического переворота” в сфере “наук о духе”, предпринятого В. Дильтеем, без которых не мог бы сформироваться биографический подход в современных его очертаниях.

Анализ литературы. Среди наиболее основательных работ украинских и российских авторов, посвященных концепции В. Дильтея, выделим, прежде всего, исследования Н. С. Плотникова, В. С. Малахова, А. В. Михайлова,

А. П. Огурцова, С. О. Кошарного, А. Л. Богачева [1-5]. Все они опираются на немецкую традицию “дильтееведения” и на труды учеников и ближайших последователей Дильтея. Среди них — представители Геттингенской школы “философии жизни” — Г. Миш, Й. Кениг, О. Больнов, Р. Арон, Ф. Роди. Особое внимание в контексте биографической проблематики следует обратить на Г. Миша — одного из наиболее близких по духу учеников Дильтея. Он не только один из ведущих интерпретаторов биографии и творчества своего учителя. Георг Миш, следуя основным дильтеевским интенциям, поставил в центр своих исследовательских интересов феномен автобиографии. Его перу принадлежит, пожалуй, самая фундаментальная многотомная “История автобиографии” [6], к сожалению, до сих пор не вошедшая в научный оборот в украиноязычной и русскоязычной традиции. Г. Миш также — автор одной из лучших биографий В. Дильтея [7].

Мы опираемся на российские переводы В. Дильтея. Это, прежде всего, собрание сочинений немецкого ученого, запланированное как шеститомное, переводы в котором осуществлены под руководством В. С. Малахова (См.: [8,9]). Как подчеркнул А. Доброхотов, “русскому Дильтею повезло больше, чем кому бы то ни было из издаваемых постклассических мыслителей Германии” [10]. Его собрание сочинений осуществлялось на непревзойденном пока уровне благодаря поддержке Фонда Тиссена и научному коллективу, который сформировали Ал. В. Михайлов и Н. С. Плотников. Мы обращаемся и к более ранним переводам, в том числе В. В. Бибихина [11], А. П. Огурцова [12,13], Н. С. Плотникова [14,15] и др.

Для нас основополагающими являются дильтеевские “Введение в науки о духе” (первый том вышел в 1883 г., работа так и осталась незавершенной) и “Построение исторического мира в науках о духе” (1910). В ряде переводов название последней работы сформулировано как “Структура исторического мира в науках о духе”, такие разночтения вызвал немецкий термин *Aufbau*. (См. об этом [4]). Украинский исследователь А. Л. Богачев в своей “Философской герменевтике” использует украинский термин “побудова” [2, С. 64]. Однако наиболее важные собственно биографические исследования В. Дильтея, которого современники называли непревзойденным мастером биографий, в научный оборот украинской и российской гуманитаристики пока не вошли. Еще предстоят переводы классических биографических работ ученого — “Биография Шлейермахера” и “История молодого Гегеля”.

Основной материал. Вместе с Вильгельмом Дильтеем биографический подход обретает свое место в методологическом арсенале гуманитарного знания (“наук о духе” в дильтеевской терминологии). Усилив этот тезис, можно констатировать, что становление современной парадигмы *humanities*, которому мы во многом обязаны Дильтею, происходило в тесном взаимопереплетении с обоснованием биографического подхода. Более того, обнаруживается определенная взаимодополнительность. Построение основ “наук о духе” оказалось для Дильтея невозможным без помещения автобиографии и биографии в центр данной структуры. В свою очередь, вне такого обоснования гуманитарного знания, биография и автобиогра-

фія имели бы лишь жанровую специфику, оставаясь на периферии научного дискурса только в качестве “экземплы”.

Ученый использует термин “науки о духе” (Geisteswissenschaften), впервые встречающийся у Й. А. Вербера в 1824 году. Он говорит о совокупности наук, “имеющих своим предметом исторически-общественную действительность”, о “втором полушарии интеллектуального глобуса”, наряду с науками о природе [8, С. 280].

В. Дильтей вслед за Ф. Шлейермахером продолжил начатую еще И. Кантом работу по выявлению специфики гуманитарного знания и его методологии, обеспечивающей достоверность, общезначимость, теоретичность. Следуя установке И. Канта на обоснование возможностей человеческого знания и действия, свой главный замысел Дильтей по-кантовски обозначил как “Критика исторического разума”. Как подчеркивают А. П. Огурцов и В. В. Калиниченко, дильтеевский проект структуры наук о духе, коренился в фундаментальном различении природы и духа, характерном для дуалистической картезианской традиции философии Нового времени [3, С. 128]. Украинский исследователь С. О. Кошарный видит в концепции Дильтея дуализм иного рода. Это попытка объединить в целостной системе философских взглядов две противоположные интеллектуальные традиции, представленные Романтизмом и Просвещением [1, С. 99]. А. Л. Богачев говорит об “апорийности” подхода Дильтея, формулируя несколько таких апорий. Одна из них — одновременное подчинением истории картезианскому идеалу достоверного знания и трактовка в духе романтизма определенных исторических целостностей объективного духа (например, биография или нация) как индивидуальных, требующих своего понимания в их собственных понятиях, то есть из них самих [2, С. 69]. Такая исходная противоречивость (дуализм, “апорийность”) нашла свое выражение в том, как Дильтей трактовал сущность феномена биографии и задачи биографического подхода в “науках о духе”. Кроме того, нам представляется, что именно в биографической проблематике, развиваемой Дильтеем, разновекторность концептуальных оснований нашла своеобразное “примирение”.

По Дильтею, “назначение наук о духе — уловить единичное, индивидуальное в исторически-социальной действительности, распознать действующие тут закономерности...” [11, С. 129], средоточие же наук о духе — в “данных внутреннего опыта и в фактах сознания” [11, С. 110]. В своем повороте к индивидуальному и единичному Дильтей испытал сильное влияние романтизма, он в собственных исследованиях опирался на идущее от Гердера и романтиков понятие “исторической индивидуальности”.

Дильтей вводит термин “жизненное единство” и подчеркивает, что изучение разнообразных “жизненных единств”, из которых выстраиваются общество и история, образует основную группу наук о духе [8, С. 304]. Теорией “жизненных единств” является антропология и психология, а их материалом — сумма истории и жизненного опыта. И эту сумму истории и жизненного опыта как нельзя лучше представляет именно биография.

Основополагающим для “наук о духе” является положение о “внутренней историчности” субъекта (innere Geschichtlichkeit), по интенции очень

близкое тезису о “первоисторичности” личности в экзистенциалистской традиции, в частности у К. Ясперса. Человек познает историю только изнутри своей “внутренней историчности” — таков исходный принцип концепции В. Дильтея. В сферу историчности нас приводит историчность самого человеческого существования, подчеркнет позже К. Ясперс в работе “Истоки истории и ее цель” (См.: [16, С. 278]).

Дильтеем избран такой ракурс анализа, который в максимальной степени выявляет, что все надындивидуальные социокультурные феномены “прорастают” из личностной точки. “Связность духовного мира зарождается в субъекте, и она заключается в движении духа к определению смысловой основы связности этого мира, объединяющей отдельные логические процессы друг с другом. Итак, с одной стороны, духовный мир — творение постигающего субъекта, а с другой стороны, движение духа направлено на то, чтобы достичь в этом мире объективного знания”. [12, С. 135]. В этой почти афористичной формулировке одновременно наводятся два противоположных оптических фокуса — индивидуально-личностный для общественно-исторической действительности и объективизирующий (в противовес “романтическому своеволию”) для наук, эту действительность изучающих.

“Единичное в духовном мире самоценно, более того, оно представляет единственную самоценность, которую можно констатировать без всякого сомнения”, в картезианском стиле констатирует Дильтей [12, С. 145]. Итак, средоточие наук о духе — индивидуальность, понятая как “жизненное единство”, из которого выстраивается затем общество и история. Эта тема станет одной из ведущих в 20 веке. Так, в феноменологии Э. Гуссерля она предстанет как “первопорядковость” моего Я, из которой конституируются надперсональные социокультурные феномены и смыслы. (Недаром В. Дильтей почувствовал близость своего подхода с феноменологическим проектом Гуссерля, хотя сам основатель современной феноменологии при жизни Дильтея признать такую близость не соглашался (См. [1,15])). Однако обращение позднего Гуссерля к проблематике “жизненного мира” может свидетельствовать и о движении “назад к Дильтею”. В определенном смысле отход М. Хайдеггера от “чистоты” феноменологического учения означал и то, что любимый ученик Э. Гуссерля принял также дильтеевскую концепцию и во-многом последовал за ней. В ранних своих Кассельских докладах (1925) создатель “фундаментальной онтологии” подчеркивает, что современная философия истории (и humanities в целом — И. Г.) обязана своими импульсами и побуждениями Дильтею. Как считает Хайдеггер, именно Вильгельм Дильтей осознал, что настоящая действительность истории есть само же человеческое существование, и структуры истории в сущностной основе совпадают со структурами человеческого существования (См.: [17, С. 121]). Таким образом, Дильтей показал, что из гуманитарного познания неустраима перспектива “первого лица”. И это базовое “основоположение” дильтеевского проекта “наук о духе” было подхвачено многими ведущими мыслителями XX века.

Еще один важнейший принцип “исторического наукоучения” Дильтея:

“в предикатах, которые мы высказываем о предметах, заключены и способы постижения” [12, С. 135]. (Эта формула тесно связана с другой ключевой позицией Дильтея: “Leben erfasst Leben” (жизнь познает жизнь)). Сама специфика “исторически-общественной действительности” диктует то, каким быть “второму полушарию интеллектуального глобуса”, определяет своеобразие гуманитарного знания. В этом основа разграничения Дильтеем между “объясняющей” стратегией для “наук о природе” и “понимающей” для “наук о духе”. Как показало время, это разделение, четче всего выраженное в “Описательной психологии” (1894), оказалось слишком категоричным, однако такая категоричность была ситуативно обусловлена задачами становления методологии humanities. Претензии стоит предъявлять не В. Дильтею, а тем его интерпретаторам, которые в новых условиях развития гуманитарного знания некритично повторяют “избитые штампы”.

Как подчеркивает Дильтей, специфика способов постижения в “науках о духе” требует выработки собственного понятийно-категориального аппарата, важнейшей его составляющей становятся “категории жизни”, выявляющие фундаментальный феномен человеческого бытия — “переживание”. Задача гуманитарного знания — сформировать “понятия, выражающие свободу жизни и истории” [12, С. 141], именно они являются “категориями жизни”. А предмет, на который непосредственно направлены такие “категории жизни”, предмет наиболее адекватный их специфике, — это, по мнению Дильтея, сама жизнь в ее конкретности, единичности, уникальности и, одновременно, в теснейшей связности с универсальными структурами истории, это жизнь, понятая как биография и автобиография. “Постижение и истолкование собственной жизни проходит ряд ступеней: наиболее совершенная их экспликация — автобиографии. Здесь Я постигает свой жизненный путь так, что осознается человеческий субстрат, исторические отношения, в которые оно вплетено. Автобиография способна развернуться в историческую картину” [12, С. 141].

Перспектива “от первого лица” не отменяет необходимости следовать в гуманитарном познании научному идеалу общезначимости. Дильтей подчеркивает, что для формирования наук о духе решающим является наделение субъекта всеобщими предикатами, исходя из нашего переживания (См., в частности, [12, С. 137]). В поздних работах Дильтей заимствует у Гегеля термин “объективный дух” именно для того, чтобы подчеркнуть объективированную в чувственном мире общность, существующую между индивидами.

Так, кроме “индивидуализации” для гуманитарного знания оказывается нудительно-неизбежной перспектива “интерсубъективности” — “наделения субъекта всеобщими предикатами”. В концепции Дильтея мы обнаруживаем лишь первое приближение к данной проблематике, ставшей ключевой для гуманитарной мысли XX века и не потерявшей остроты в веке XXI.

Основанием для “перенесения-себя-на место-другого” оказывается понимание: “на основе переживания и понимания самого себя, в их постоянном взаимодействии друг с другом формируется понимание проявлений другой

жизни и других людей” [12, С. 145]. А уже на их понимании основывается понимание истории. Первичным оказывается самопонимание, понимание мира других индивидов — второй уровень, а далее следует надындивидуальный уровень — понимание истории. (Здесь можно отметить в качестве наброска отдельной самостоятельной темы обоснование Дильтеем первичности, “изначальности” автобиографии по отношению к биографии). В свою очередь, предпосылкой “действенности понимания” (процедуры, в которой по Дильтею, заключена “вся истина наук о духе”, “подступ к величайшей тайне жизни”) является “родство” индивидов между собой, “связь общечеловеческого с индивидуализацией”.

Высший вид понимания на основе транспозиции “перенесение-меня-на место-другого” — сопереживание. Сопереживание достигает совершенства, когда событие пронизано сознанием поэта, художника, историка и зафиксировано в произведении. Дильтей пишет и о “триумфе сопереживания”: когда фрагменты процесса восполняются так, что мы верим — перед нами непрерывный процесс. В этой аргументации звучит еще одно важнейшее для “наук о духе” требования — они “по духу” должны быть близки к искусству, а их результаты в идеале становятся “произведениями искусства”, творениями гения, понятого с позиций романтизма.

Вместе с ориентацией на искусство гуманитарное знание не должно терять методологический статус, общезначимость и теоретичность. “Со всех сторон приходится слышать, что в Лире, Гамлете и Макбете скрыто больше психологии, нежели во всех учебниках психологии вместе взятых. Но если бы эти фанатические поклонники искусства когда-нибудь раскрыли перед нами тайну заключающейся в этих произведениях психологии!” [18, С. 14]. В этом восклицании Дильтея, кроме упрека, содержится призыв к “наукам о духе” научиться раскрывать “тайны жизни”, обнаруживаемые именно искусством, причем научными средствами, через “категории жизни”. Таким образом, ученый существенно расширяет границы humanities, распространяя их и на ту сферу, которая традиционно относилась к сфере искусства и считалась вненаучной. Такое “расширение” было предпринято уже Шлейермахером. А сегодня для гуманитаристики фактически не осталось “закрытых зон”, она подвергает рефлексии самое невыразимое, как и саму невыразимость.

В поздних работах Дильтей вносит в свой исследовательский аппарат принцип “реконструкции”, выраженный в метафоре “построения” методологической структуры гуманитарного знания. Связующий момент не может быть раскрыт в переживании. Обусловленность реконструируется, — подчеркивает Дильтей в “Построении исторического мира в науках о духе”. Принципы, возможности и границы гуманитарной реконструкции были в дальнейшем глубоко продуманы рядом ученых-гуманитариев. В частности, Ю. М. Лотман предложил методологию и конкретное воплощение такого рода реконструкции в биографической по жанру работе “Сотворение Карамзина” [19]. Лотман убедительно продемонстрировал, что реконструкция как важнейший для гуманитаристики принцип находит одно из наиболее адекватных воплощений именно при биографическом подходе.

Указанная нами взаимодополнительность: “построение основ “наук о духе” — определение специфики биографического подхода в структуре humanities” нашла своеобразное отражение в творческой биографии самого В. Дильтея. Напомню, стартовая точка, с которой началась широкая известность ученого — биографическое исследование о Ф. Шлейермахере. В 1870 году вышел первый том “Биографии Шлейермахера”, однако продолжения не последовало. Как подчеркивает Н. Плотников, написавший наиболее полный биографический очерк о Дильтее, разрастающийся объем материала требовал уточнения категориальных взаимосвязей, а более подробная разработка философских обобщений приводила к необозримому расширению исторической базы. Так и работал Дильтей, бросаясь от биографии Шлейермахера к теории гуманитарных наук и обратно, попутно углубляясь в конкретные исследования типа “История молодого Гегеля” и развивая все более обширные проекты типа “Исследований по истории немецкого духа” или “Истории развития гуманитарных наук в эпоху ренессанса и Нового времени. (См.: [5, С. 50]). Таким образом, в творчестве самого ученого биографические штудии (Дильтей считался непревзойденным мастером биографического жанра, на что неоднократно указывали его современники) органично сочетались с предельно теоретичными поисками оснований гуманитаристики. Однако две исследовательские ориентации не были отделены друг от друга, они оказывались взаимопроникающими. Так, результаты глубокой теоретико-методологической работы над построением основ “наук о духе” обогащали конкретно-биографический материал. Именно теоретическими поисками обусловлено обращение позднего Дильтея к биографии и творчеству Гегеля. Этим обращением в его собственном творчестве замкнулся круг — идейный и проблемно-тематический. Тематическим единством и верностью биографическому жанру характеризуется как “старт”, так и “финиш”. Дильтей начал с биографии Шлейермахера, а завершил серию написанных им биографий, в жанре которых он был блестящим мастером, жизнеописанием молодого Гегеля (1905 г.). Круг в идейном отношении также замкнулся: Дильтей начал с критики спекулятивной метафизики и в конце жизни вернулся к ней в обосновании методологии гуманитарного знания. Им был сделан выбор в пользу гегелевского идеализма, а гегелевский “объективный дух” вновь обрел свое место в его концепции — как самостоятельный предмет гуманитарных наук.

Выводы и перспективы исследования

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В творчестве В. Дильтея поиски оснований “наук о духе” сопровождались определением роли и места биографической проблематики в гуманитарных науках. Можно констатировать, что речь идет не о простом параллелизме, а о взаимодополнительности. Взаимодополнительность и взаимообусловленность задается общим проблемным полем. И биографический подход, и humanities в целом характеризуются обращением и пристальным вниманием к индивидуальному и единичному, а также на-

пряженными поисками ответа на вопрос: как индивидуально-личностное входит в надиндивидуальные культурно-исторические структуры и институции. Одно из центральных положений концепции В. Дильтея — связность духовного мира зарождается в субъекте — оказывается императивом для гуманитаристики в целом и теоретико-методологическим ориентиром для конкретного биографического исследования.

2. В концепции В. Дильтея жанр биографии “выведен из тени”, превращен из дополнительного, декоративного, иллюстративного (“экземплы”) в основной метод гуманитарного исследования, утверждён в качестве “высшей и даже инструктивной формы” наук о духе. Дильтей обращается к биографии как к “праклеточке истории” и как никогда высоко оценивает познавательные возможности самого биографического метода.

В качестве **перспективы** разработки представленной в статье проблемы следует указать на необходимость дальнейшего исследования того, насколько “биографическая составляющая” дильтеевской структуры “наук о духе” была воспринята современной гуманитаристикой во всем ее междисциплинарном многообразии.

Список литературы

1. Кошарний С. О. Феноменологія Гуссерля і досвід герменевтичного основоположення гуманітарного знання в історичному науковченні Дильтея // Філософська і соціологічна думка. — 1989. — №№ 8-9; 1990. — №№ 8-9.
2. Богачов А. Л. Філософська герменевтика: Навчальний посібник. — К.: КУРС, 2006. — 408 с.
3. Калиниченко В. В., Огурцов А. П. Методология гуманитарных наук в трудах Вильгельма Дильтея (Предисловие к публикации) // Вопросы философии — 1988. — № 4. — С. 128-134.
4. Малахов В. С. О языке Вильгельма Дильтея. Замечания к русскому переводу “Введения наук о духе” // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1. — М., 2000. — С. 728-730.
5. Плотников Н. С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1. — М., 2000. — С. 15-271.
6. Misch Georg. Geschichte der Autobiographie. Band I. Das Altertum. Leipzig, Berlin, 1907.
7. Misch, G.: Der junge Dilthey. Ein Lebensbild in Briefen und Tagebuchern 1852-1870. Aufl. Stuttgart, 1960.
8. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории (пер. с нем. под ред. В. С. Малахова) // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 1. — М., 2000. — С. 272 — 728.
9. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе (пер. с нем. под ред. В. А. Куренного) // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 3. — М., 2004. — 419 с..
10. Доброхотов А. Переживание-выражение-понимание (Рец. на: Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе (пер. с нем. под ред. В. А. Куренного) // Новый мир — 2005 — №1. — С. 200-203.
11. Дильтей В. Введение в науки о духе. Сила поэтического воображения. Начала поэтики (пер. с нем. В. В. Бибихина) //Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. — М.: Изд. Московского университета, 1987. — С. 108-135.
12. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума (Фрагмент глав “Переживание, выражение и понимание”) (Пер. с нем. А. П. Огурцова) // Вопросы философии. — 1988. — № 4. — С. 130-146.

13. Дильтей В. Категории жизни (пер. с нем. А. П. Огурцова) // Вопросы философии. — 1995. — № 10. — С. 129-144.
14. Дильтей В. Литературные архивы и их значение для изучения истории философии (пер. с нем. Н. С. Плотникова) // Вопросы философии. — 1995. — №5. — С. 124-136.
15. Переписка Вильгельма Дильтея с Эдмундом Гуссерлем (Пер. с нем. Н. С. Плотникова) // Вопросы философии. — 1995. — № 10. — С. 144-150.
16. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. (Пер. с нем. М. И. Левиной) // Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991. — С. 28-288.
17. Хайдеггер М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни. Десять докладов, прочитанных в Касселе (пер. с нем. А. В. Михайлова) // Вопросы философии. — 1995. — № 11. — С. 119-145.
18. Дильтей В. Описательная психология. — СПб.: Алетейя, 1996. — 160 с.
19. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. — М.: Книга, 1987. — 336 с.

І. В. Голубович,

к. філос. н., доцент, докторант

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра філософії та основ загальногуманітарного знання

**ОБҐРУНТУВАННЯ “НАУК ПРО ДУХ” У В. ДІЛЬТЕЯ
Й СТАНОВЛЕННЯ БІОГРАФІЧНОГО ПІДХОДУ В СУЧАНІЙ
ГУМАНІТАРИСТИЦІ**

Анотація

Стаття присвячена становленню біографічної проблематики у сучасному гуманітарному знанні на прикладі концепції В. Дильтея в контексті обґрунтування німецьким вченим сутності і структури “наук про дух”. Пошук основ Geisteswissenschaften і формування біографічного підходу представлені як взаємодоповнюючі та взаємообумовлені.

Ключові слова: біографічний підхід, гуманітарні науки, методологія гуманітарного знання, взаємодоповнюванність

I. V. Golubovich,

Post-Doctoral Student

Department of Philosophy and Fundamentals of Humanities
Odessa I. I. Mechnikov National University

**“GEISTESWISSENSCHAFTEN” OF THE W. DILTEY
AND BIOGRAPHICAL APPROACH IN CONTEMPORARY
HUMANITIES**

Summary

This article is devoted to becoming of the biographical approach in the contemporary humanitarian science in the context of the conception of W. Dilthey. Investigation of fundamentals of the “Geisteswissenschaften” and becoming of the methodology of the biographical approach are presented as interrelated.

Key words: biographical approach, humanities, methodology of the humanitarian sciences, interrelation